

Сергей Терентьевич Семенов

Бабы

Сергей Семенов

Бабы

«Public Domain»

1901

Семенов С. Т.

Бабы / С. Т. Семенов — «Public Domain», 1901

«...В понедельник на Фоминой рано утром Влас Мигушкин вышел из своей избы. Это был мужик лет тридцати, среднего роста, прямой и крепкий, с светло-русой бородой и чистым взглядом голубых глаз. Помолившись на четыре стороны, он не спеша надел на голову картуз и пошел от своего двора вниз по селу, к речке, отделяющей их владения от наделов других деревень. В одной руке его было железное ведро, и он, слегка погромыхивая им и помахивая другой рукой, спускался под гору...»

Сергей Терентьевич Семенов

Бабы

I

В понедельник на Фоминой рано утром Влас Мигушкин вышел из своей избы. Это был мужик лет тридцати, среднего роста, прямой и крепкий, с светло-русой бородой и чистым взглядом голубых глаз. Помолившись на четыре стороны, он не спеша надел на голову картуз и пошел от своего двора вниз по селу, к речке, отделяющей их владения от наделов других деревень. В одной руке его было железное ведро, и он, слегка погромыхивая им и помахивая другой рукой, спустился под гору.

Было настолько рано, что на улице стояла полная тишина, только на одном дворе слышалось мычанье коров, просивших корма, да в крайнем окне последней избы виднелись огоньки затопляющейся печи. Но Влас ни на что не обращал внимания, он был очень озабочен, и эта забота охватывала все его существо. С пасхой кончилась гулевая пора, нужно было покидать избу и выходить на волю – ко двору, на усадьбу, в поле. Дело это было очень обыкновенное. Но прошлой осенью у них умерла мать, которая, бывало, оставалась дома, копалась у печки и «пестала» их ребятишек, и ее заменять приходилось его Иринье. На место же Ириньи поступал новый человек: они наняли работницу. Это случилось первый раз во всей их жизни, и эта-то новость озабочивала Власа.

Заботу Власа разделяла и Иринья. Оба они немало поволновались, прежде чем нанять кого-нибудь. Они соображали, кого лучше взять: старуху, девочку или заправскую «батрачку». Заправская пугала тем, что при плохом урожае она могла прийти внаклад. У Мигушкиных все доходы были только от полей. Правда, они работали старательно; Влас вина почти не пил, притом в Хохлове было много земли. Их бывший помещик, умирая, отказал им на общество, кроме надела, триста десятин, но все-таки... Просудивши весь пост, Мигушкины решили нанять заправскую, с которой все бы можно было спросить, и они наняли одну бабу-солдатку из деревни другого прихода.

Большаком в доме считался Влас, но нанимать работницу ходила Иринья. Влас как-то не умел обходиться с бабами. Он рос один сын, не видал вокруг себя ни невесток, ни сестер. Еще будучи холостым, он водился только с соседскими ребятами и к девкам испытывал врожденную робость. Когда его собирались женить, то Влас испытывал такие муки, точно шел на пытку. Для него страшно трудно было вести разговоры с невестой в рукобיתье, с гостинцами и в самую свадьбу, и когда он собирался ехать туда, то чуть не плакал. Когда же кончилась свадьба, он понемногу привык к своей жене, привязался довольно крепко и, помимо ее, ни на какую бабу глядеть не хотел. С другими бабами он не умел, как следует, говорить и плохо понимал. Мысль, что должна прожить у них в доме целое лето другая баба, даже пугала его, и он не знал, как ему примириться с ней.

Работница должна была прийти сегодня, и сегодняшнюю ночь Влас даже плохо спал... Обдумывая, как они с женой ее встретят, как будут обходиться, Влас прошел село и очутился за околицей. Река была недалеко, и над ней густым паром поднималась обильная роса. Вода, еще мутноватая от распускавшейся земли, наполняла всю речку и, струясь мелкой рябью, образовала на середине струю, как девичью косу. На повороте было заметно, как быстро вода стремилась вниз. Откуда-то доносилось глухое журчанье ее. Росший на другом берегу смешанный лесок стоял точно облитый от росы; в нем кое-где белел снег, и роса от него шла еще гуще. Влас подошел к речке, размахнул воду и, почерпнув ведро, вытянул его и тотчас же зашагал обратно. Когда он пришел в избу, Иринья, высокая, худощавая, немного сутуловатая, с начи-

нающим морщиться, но все еще милостивым лицом, хлопотала около печки. Она тоже, как и Влас, казалась озабоченной. Принявши от мужа воду, она проговорила:

– Сейчас, что ли, самовар-то ставить или подождать?

– Ставь сейчас, небось и она скоро придет.

Действительно, только поспел самовар и Влас поставил его на стол, как в избу вошла работница. Она была высокая, плотная, с окутанной дешевой линючей шалью головой, в поношенной карусетовой кофте и новой, домотканой, полубумажной юбке, которая еще совсем не обносилась и сбегала к подолу прямушкой, неохотно сгибаясь на складках. На ногах ее были большие нескладные сапоги; из-под платка светились темные глаза. Войдя в избу, работница помолилась, поклонилась хозяевам и спросила:

– Здесь мои хозяева-то живут?

– Здесь, здесь! – высовывая из-за угла печки лицо и ласково улыбаясь, проговорила Иринья. – Ишь ты, как позаботилась, как раз к чаю; вот и славно... раздевайся-ка.

– Позаботишься... – сказала работница приятным грудным голосом. – Нанялся человек – продался; надо дела делать.

Она оглянула избу, отыскивая место, куда бы ей положить свой узел, и сунула его на полати. Потом она сняла платок и кофточку и тоже убрала их. Влас и только что проснувшись и забравшись за стол ребятишки, восьмилетний Мишутка, здоровый, красивый, похожий лицом на отца, и четырехлетняя Дунька, глядели на нее во все глаза. По лицу ей можно было дать лет двадцать пять. Оно было довольно правильное и налитое, как яблоко. Красные, без морщин губы, дрожащие тонкие ноздри. На низком гладком лбу красиво поднимались черные брови. Из-под ситцевой прямой накидки обрисовывалась высокая грудь, но Власу она не понравилась. «Больно мешковата, – подумал он, – верно, неповоротень». Однако постарался быть с ней поласковой и проговорил:

– Ну, как звать-то тебя?

– Сидора.

– Эко имечко-то! – невольно усмехнулся Влас.

– Какое поп дал.

– Ну, Сидора, не ходи близко забора, садись за стол, – пошутил Влас.

Сидора усмехнулась как-то одним боком и проговорила:

– Нанималась работать, а как пришла, так прямо за стол, словно бы это не дело.

– Ну и работы дадим, небось, – погрозил Влас.

– Я работы не боюсь, – совсем просто, без всякой хвастливости проговорила Сидора и села за стол.

– Да без череду и не заставим, – как бы желая ее успокоить, тоже подсаживаясь к столу, проговорила Иринья. – Что люди, то и ты; во всякий след бегать не придется. Лошадей в стадо свести у нас есть вон малый; попить в поле он тоже принесет; коров я сама дою и дома и на полднях.

– На полдни-то и я схожу, – сказала Сидора, наливая в блюдечко чай.

– Нет, зачем же! Нешто что не поздоровится, сохрани бог, а то у меня ног, что ль, нет; я ведь не старуха; мне всего тридцатый год. А тебе какой?

– Мне двадцать девятый.

Влас и Иринья в одно время взглянули в лицо работницы: их удивило то, что Сидоре двадцать девятый год: по виду ей было с чем-нибудь за двадцать. Иринья сравнила ее с собой и невольно вздохнула: она позавидовала ее здоровью и свежести.

– Сколько ж ты годов замужем? – спросила она.

– Пятый год.

– Муж-то, стало быть, моложе тебя?

– На четыре года моложе.

– Он ничего, что ты вот старше-то?

– А что ж ему?

– Ты еще не рожала?

– Ни разу.

Иринья вздохнула опять.

– А мы-то с первых годов начали, вот от того-то скоро и состарились.

– Ну, ты, старуха! – пошутил Влас и опять перевел глаза на работницу.

Он следил, как она принимается за чай, кусает сахар. Хотя она и сразу налила себе чашку, но пила его без видимого удовольствия. «А может, она есть хочет», – мелькнуло вдруг в голове Власа, и он проговорил:

– Ты бы закусить чего дала!

– Я не знаю чего.

– Хоть свининки соленькой.

– Пожалуй, принесу.

Работница не выказала особого удовольствия и при еде. Она всех вперед накрыла чашку и полезла из-за стола.

– Что ж ты, пей!..

– Не хочется...

И она, взявши в руки полотенце, сейчас же стала перемывать посуду; спросила, когда у них выносят пороссятам, чем поят телят, когда будут запахивать. Ей это объяснили. Убравши посуду, Сидора оправила платок на голове и проговорила:

– Ну, теперь что делать?

– Пойдем дрова рубить.

– Ну, так пойдем, – сказала Сидора и стала одеваться.

II

День обещал быть ясным. Солнце поднималось на безоблачное небо и распаривало влажную землю. От земли поднимались испарения и стояли в низких местах легким туманом. На высоких местах воздух дрожал, и в глубине его заливались жаворонки; сверкали, чирикавая, недавно прилетевшие ласточки; кишели вызванные теплом толкушечки; гудели пчелы, пытаясь взять первую взятку с покрытых золотистым пухом вербочных барашков и на распутившихся шишечках срубленной ольхи, лежавшей в куче дров, – на ветлах. Дышалось так легко, и теплота ласкала со всех сторон. Никогда с таким удовольствием не делалось дело. Влас, сверкая топором, рубил дрова проворно и ловко. Сидора не отставала от него. Она сбросила шаль и кофту и, легко взмахивая топором, ловко перерубала толстые сучья. Влас работал сначала молчком. Он не любил бабьих разговоров и удивлялся, как это они всегда находили материал для бесед; ему гораздо приятнее было что-нибудь думать про себя. На этот раз ему пришлось изменить своему обыкновению и завести разговор. Ему неловко было на первых порах быть букой перед Сидорой: он боялся, чтобы она не сочла его очень нелюдимым, и он спросил ее:

– А в вашей деревне дрова-то вольные?

– Нет, горевые...

– Почему ж, лесов нет?

– Были и леса, да вывелись, одни пни торчат.

– Сами мужики вывели?

– Известно сами, а то кто ж?

– Небось у вас в деревне стройка хорошая?

– У кого как, – у кого хорошая, а у кого развалилась.

– Лес-то небось на стройку шел?

– На стройку, да не самим. На белом свете так ведется, что сапожник без сапог, портной без одежды, а у кого леса много, тот без стройки.

– Неш нехозяйственный народ, а то стройку-то все бы можно завести.

– А где он, ваш брат, хозяйственный-то? Може, из десяти один, а то все ни богу свечка, ни шути кочерга.

– Ну, ты уж очень... Мало ль и хозяйственных мужиков; кем же и деревня-то стоит, как не мужиками.

– Стоит, да как; если бы по-настоящему, неш бы так надо стоять? Наш вон лес-то, говорят, большие тыщи стоил, а мужики так свели его, что все сквозь руки прошло, – и лесу нет, и нужды не поправили.

– Може, они пьянствовали, – так это конешно.

– И пьянствовали немного, – ни один леший не опился, а продавали его по корешочку, да так весь и продали. А по-настоящему-то его продать бы сразу, и конец делу, охватил деньги и командуй ими, а они этого не могли.

– Неужели у вас и с рассудком людей нет?

– Есть два-три человека, да что ж они могут; тех-то ведь сила, ну они и повернули.

Власу захотелось пошутить, и он проговорил:

– Ну, бабы на сходку бы вышли, може, они бы вразумили?

– Послушаете вы баб: у вас криво, да прямо, а бабья прямота кривой кажется, – дело известно.

– Ну, и у баб тоже прямоты много: визгу много, а толку мало.

– Это вам так думается.

– Не думается, а в самом деле; допусти бабу к какому-нибудь делу, она налокочет, налокочет – в мешок не покладешь, а до дела не доберется.

– А ваш брат этим не грешен? Выйдут на сходку: и дело-то плевое, а наорут, на шумят, переругаются друг с другом, шут их побери! И в доме также: другой считает себя распорядителем, а какой он распорядитель: наработают ему, а он поедет куда да проплет; а неш баба проживет дом? Слышал ли ты когда, что вот такая-то баба весь дом свела, а мужики сплошь да рядом.

– Бабе такой воли нет, а то бы она рукавами растрясла. Знаем тоже вашу сестру.

– Кто это так устроил-то, – мужики. А если бы бабам дали такую праву?

– Значит, старики-то были не дураки, знали, отчего так установили.

– Какие старики: были хорошие, а были такие же, как и молодые.

Власу казались все рассуждения работницы правильными, и его первоначальные впечатления стали рассеиваться. «А она ничего, – подумал Влас, – на словах-то дельная, как-то будет на работе».

В этот же день Власу пришлось увидеть, что Сидора и на деле не ударит себя лицом в грязь. Вечером, кончивши рубить дрова, перед тем, как идти домой, они зашли в сарай, чтобы уставить на лето дровни, уже ненужные теперь. Власу хотелось поставить их одни на другие, но он боялся, что двоим их не поднять, и хотел позвать Иринью. Сидора удивилась:

– На что?

– Да пособить нам.

– Вот еще! Заходи-ка к головяшкам!

И она, поплевавши в руки, взяла за железные отводы от подрезов и подняла зад саней.

Влас этому очень удивился; он крутнул головой и подумал: «Нет, она не на одних словах, а и на деле».

III

Прошло несколько дней. Сидора на эти дни так привыкла к порядкам Мигушкиных, точно она жила тут, по крайней мере, год. Она уже знала все, что нужно, и ей не приходилось спрашивать, что делать. Утром она помогала чем-нибудь Ирине, ворочавшейся у печки, потом шла из двора. Она нигде не застаивалась, не зазевывалась. Убравшись с дровами, Сидора огребла огород, подобрала валявшуюся костру и солому у овина, помогла Ирине разобрать к лету в омшанике и в горенке: дело в руках у нее так и кипело.

Однажды был дождь, и на улицу нельзя было выйти. Все сидели в избе, и многим нечего было делать. Сидора позевывала от скуки и, наконец, обратившись к Ирине, проговорила:

– Хозяйка, пошить бы что дала, что-нибудь; что так-то сидеть.

– Сшить-то надо бы Дуньке платьице, только еще не скроено. Вот погоди, я к попадье схожу.

– А сама-то что ж?

– Где ж самой! Я вон ворот у Власовой рубахи не прорежу, неш мы учены?

– Какое ж тут ученье: раз поглядел и довольно, а то всякий раз к людям бегать. Давай-ка ситец-то сюда.

– А ты не изгадишь?

– А там увидишь.

Ирине принесла ситец и подала его Сидоре. Та положила его на стол, поставила перед собой Дуньку, примерила, как что пускать, и начала кроить ситец. В этот же день она сметала платьице на живую нитку. Платьице вышло такое, каких у девочки никогда не было.

– Как же это, ведь у тебя своих маленьких нет, на кого ж ты шила-то?

– А неш мы от маленьких что учимся! – сказала Сидора и засмеялась.

Запахали в Хохлове уже на третьей неделе. День стоял веселый. Мигушкины пахать поехали на двух: на одной Влас, на другой Сидора. Влас присматривался, как пашет работница. Она была все в той же юбке и кофте, в которой пришла, и с тем же платком на голове, но только совсем сдвинутым на глаза. Ноги ее были босы, и она свободно шагала за плугом. Любила ли она эту работу или в ее памяти возникли какие-нибудь счастливые воспоминания, только она шла за плугом, точно на какой-нибудь праздник, спокойно, опираясь на его ручки, плавной, красивой поступью. Влас еще никогда не видал, чтобы в деревне кто-нибудь держал так себя за пахотой. Большинство баб и девок только безобразили себя. Влезут в сапоги, подоткнуты и идут нескладно, виляя корпусом, срываясь в борозду и изгибаясь то туда, то сюда. Но Сидора шла, как на картине, и Влас всякий раз, встречаясь с ней, невольно оборачивал в ее сторону голову и любовался ею. Чем дальше, тем больше он убеждался, что он мало таких баб еще видал. Об этом он раз сообщил Ирине. Ирине, должно быть, не была согласна с ним.

– Ну, а то что ж, – сказала она, – деньги-то взяла да сидеть будет; она и должна работать.

– Работать, да как.

– Как другие работают.

– В том-то и дело, что другие работают, да не так.

– Ну, и она не лучше других.

– Нет, лучше во всем...

IV

В весеннюю Николу в Хохлове из старины велся обычай, чтобы в этот день бабы праздновали. Они покупали красного вина, распивали его и веселились. Еще с утра одна баба обегала избы, собирая по пятаку с каждой бабы на вино и по два яйца на закуску. Влас дал денег

на двоих. На гулянье собирались и Ирinya и Сидора. Гулянье должно было начаться после полден. Мигушкины напильсь чаю, наелись горячих лепешек с творогом и стали справляться. Ирinya пришлось прежде справить ребятишек на улицу, но работница убрала посуду, взяла с полатей свой узел и пошла с ним в горенку. Вернулась она через несколько минут нарядная. Наряд ее был очень прост: голубое ситцевое платье с баской, черный люстриновый фартук и легкий шерстяной платок сиреневого цвета; на ногах ее были шагреневые полусапожки; но и этот простенький наряд совершенно изменил Сидору, – эта же была баба, да не та.

Она стала необыкновенно стройною и статною. У ней яснее вырисовывалась крепкая грудь, талья, правильные руки. Лицо ее из цветной рамки платка казалось нежнее, глаза получили особый блеск, и в них было уже что-то такое, что, раз взглянувши на это лицо, невольно хотелось повторить этот взгляд.

Поскрипывая полусапожками, она подошла к зеркалу и стала оправляться перед ним.

Влас, пораженный явившейся перед ним красотой, вытаращил на нее глаза и с изумлением, смешанным с восхищением, уставился на нее, а Ирinya отчего-то сразу покраснела и кинула тревожный взгляд на Власа. Подметив выражение его лица, в глазах Ирinya блеснула тревога, и она лишилась способности прямо глядеть в глаза мужу и работнице. Глаза ее забегали туда и сюда, на лице выступала краска, и в руках появилась дрожь. Вдруг она опять мельком взглянула на Власа и украдкой вздохнула.

– Ну, я пойду, коли! – сказала, отвертываясь от зеркала, Сидора.

– Ступай, ступай! – сказала Ирinya, стараясь попасть в свой обычный ласковый тон, но у ней на этот раз это не вышло.

Влас по уходе работницы поднялся с места, потянулся, зевнул и проговорил:

– И мне, что ль, на улицу пойти, в избе-то скучно одному.

– Иди, а то вместе пойдем; я вот только наряжусь, – сказала Ирinya с особенной лаской в голосе и во взгляде.

– Ну, наряжайся. . .

Ирinya надела на себя шерстяное платье, повязала шелковый платок и шерстяной передник и тоже подошла к зеркалу. На ней все было богаче, чем на работнице, но наряд не только не придал ей виду, но, как показалось Власу, она в нем выглядела хуже, чем в будни.

Платье, сшитое еще к свадьбе, когда она была стройнее и полнее, казалось мешковатым; розовый цвет шелкового платка бросал на ее лицо такие тени, которые ярко обнаруживали блеклость ее лица. Морщинки на лице не только не скрывались, но вырисовывались яснее, и глаза казались необыкновенно тусклыми. Все это было, конечно, едва заметно, но Влас это видел очень ясно. Ирinya перед зеркалом и сама увидала все это, глубоко вздохнула и виноватым выражением поглядела на мужа.

– Ну, вот я готова, пойдем.

– Пойдем, – сказал Влас и, снявши с колышка пиджак, стал надевать его.

Бабы собирались на середке села, у двора Якова Финогонова, богатого и веселого мужика, любившего около своего двора всякие сходки. Они собирались одна за другой, разряженные. Влас внимательно приглядывался к ним и заметил, что не одна его Ирinya, а многие из них от нарядов не выигрывали, а теряли, и что никому так наряд не шел, как к его работнице. В Хохлове было немало красивых баб. Влас глядел на них, сравнивая с Сидорой, и ни одна из них не могла с нею сравняться. Все не стоили ее, у всех были какие-нибудь недостатки; но тут было все в должной мере и полноте.

Бабы стрекотали, как сороки, каждая стараясь говорить и точно боясь, что ей не придется принять участия в разговоре. У всех чувствовалось и в голосе и во взглядах неудержимое оживление, какая-то радость, чувство жизни, и это чувство красило их, делало пригляднее. Взгляды Власа всех чаще останавливались на лице Сидоры, и чем больше он глядел на нее, тем отчетливее подмечал в себе смутное, неясное, как туман, чувство, и мучительное и

сладостное. Скользнув глазами по толпе баб, Влас встретился со взглядом жены, но его глаза ничего не выражали; Иринья заметила это. Для нее это было ново и неожиданно: прежде, когда они бывали на людях, при взгляде друг на дружку, всегда в их глазах вспыхивал одинаковый огонек, и глаза их точно сообщали что друг другу. Теперь же от взгляда Власа веяло холодом. Взгляд Ириньи выразил тревогу, но Влас этого не заметил.

Вино скоро принесли, и бабы приступили к распределению его по столам. На столах появились бутылки, откуда-то взялись сковороды с яичницами, мятные пряники. Гулянье началось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.